

УДК 398.2(=511:142)

С.Д. Дядюн

Зачины и концовки в хантыйских сказках

Аннотация. Анализируя язык хантыйской народной сказки, мы предприняли попытку создания семантико-структурной классификации языковых средств, некоторые группы которых также могут считаться сказочными формулами. Каждый из последующих пунктов посвящен языковым средствам сказочного текста одного из классов.

Ключевые слова: фольклор, картина мира, хантыйские сказки, зачины, концовки, формулы.

S.D. Dyadyun

Introductions and endings in the Khanty fairy tales

Summary. Analyzing the language of the Khanty folk tales, we made an attempt to create a semantic-structural classification of linguistic means, some groups of which can be also considered as fairy formulas. Each of the following paragraphs is devoted to the linguistic means of fairy text of one of the classes.

Key words: folklore, world view, Khanty fairy tales, introductions, endings, formulas.

Картина мира складывается на основе представлений человека о мире. Понятие об этих представлениях можно получить путем анализа фольклорных текстов. Особенный интерес в этом отношении представляют сказки. Получение, накопление и объективизация знаний о действительности осуществляется, прежде всего, при помощи языка.

Зачины

Язык фольклора – это образец речи, сохранивший не только древнейшие лексические пласты, но формульные выражения образно-эстетической коммуникации.

Наличие традиционных зачинов является одним из генетических свойств сказки. Их относят к сказочным формулам, обязательным признаком которых называется повторяемость в ряде сказок. К зачинам и концовкам это относится в полной мере. Мы сочли возможным рассмотреть их отдельно, как наиболее многочисленные (каждая сказка имеет зачин и концовку, хотя и не всегда формульного характера) и выполняющие строго очерченный круг функций.

Сказочный зачин основной целью имеет быстрое вовлечение слушателя или читателя

в сказочную ситуацию. В зависимости от характера ситуации зачины могут иметь различный вид. Так, первая группа зачинов включает обозначение бытия сказочных героев. Если представить зачины и концовки хантыйских сказок в группе, разработанной Е.И. Алещенко [1] для русских сказок, станет очевидно, что все основные сюжетобразующие компоненты в ней есть:

1) Обозначение бытия героев, например: *Имеңән-икеңән вәсүән* ‘Муж с женой жили’; *Моңнеңийэ ши вәл* ‘Женщина Мощ живет’; *Көртән, и көртән вәлләңән кәтими, итәл – Пурне, итәл – хәнты не* ‘В деревне, в одной деревне живут две женщины, одна – Пурне, другая – хантыйская женщина’; *Ими хилыле вәл, шөкащты ай икиле, имәл имийән еңмәлтса* ‘Мальчик Ими хилы живет, сирота, тетя его растила’.

Помимо утверждения бытия того или иного героя, в зачине сказки сообщается о том, кто у него был или что у него было, так как дальнейшее развитие сказочного действия будет связано именно с названной «собственностью» героев. Например: *И икиле эви саңән вөттән вәлләңән* ‘Один мужчина с дочкой в лесу живет’; *И ики*

вөс. *Хөлэм нух тайяс* 'Один мужчина жил. Трое сыновей у него было'.

Известная сказочная формула *хөнтты йисэн, хөнтты нөпэтэн атэлт лөүх йүх авэтэн, атэлт калт йүх авэтэн имсүэн-иксүэн вөсүэн* 'В какое-то время, в какой-то век в отдаленном месте, где находятся мужские божества, в отдаленном месте, где находятся женские божества, муж с женой жили' фиксирует наличие происходящего, его реальность; во-вторых, давность, что отвечает сказочной ситуации: все в ней происходит «*хөнтты йисэн, хөнтты нөпэтэн* 'в какое-то время, в какой-то век'», а порой так давно, что реальность этого доказать уже невозможно. Как видим, этот зачин имеет варианты, связанные с изменением формы числа (в зависимости от того, об одном или нескольких героях идет речь); изменением грамматического времени *Имсүэн-иксүэн вөнтэн вөлжүэн* 'Муж с женой живут в лесу' (глагол настоящего времени); что может указывать на возможность повторения истории и с другими действующими лицами; изменением порядка слов (*вөлмитсээн-вөлжэмсээн, холжэмсээн* 'зажили-пожили, ночевали').

Зачины подобного типа содержат глагол *вөлты* 'быть' в той или иной форме времени и числа или в безличной. Они указывают на наличие или отсутствие чего или кого-либо, от которого «оттолкнется» действие. Если это недостача, как, например, отсутствие у героев детей или хлеба, то они будут предпринимать шаги для ее устранения; если это наличие детей или имущества, то действие будет связано с ними. Близки названным и зачины, в которых дается оценка ситуации, так как она связана с наличием или недостачей чего-либо у героев сказки: *Төрэм вои, хон вои вүттийэн пирэц имсүэн-иксүэн вөсүэн. Лын муй хүв вөсүэн, лын муй олжл сот вөсүэн, лын муй олжл шурэс вөсүэн. Вөлэм хүв нөпэтэнэн эви ант тайсээн, нух ант тайсээн...* 'За небесным городом, за царским городом жили старые муж с женой. Долго ли они жили, то ли сто лет

жили, то ли тысячу лет жили. За весь прожитый век у них не было дочери, не было сына; *Ими хилы имэл ими пила вөсүэн. Лүв ци киньца тац ант тайяс, лүв ци киньца вүни ант тайяс* 'Ими хилы с тетей жили. У них не было никакого богатства'.

После подобного зачина следует описание ситуации, действия или чувства, но начинается сказка непосредственно с их оценки. Для этого используются позитивно или негативно окрашенные лексемы.

2) Быстрое включение в действие. К зачинам этой группы относятся действия, совершаемые героями незадолго до момента, с которого начинается сказочное повествование: *Лүжүн и икийэ хүл вэлты мәнэс, лора холжл омэсты. Холжл омэстл саты йерт пйлэу йухтэс* 'Летом один мужчина пошел добывать рыбу, на озеро сети ставить. Пока сети ставил, подошла дождевая туча'.

Подобные зачины сразу же рисуют ситуацию, как правило, бытовую сценку, с которой и начинается все дальнейшее действие. Для этого используются глаголы прошедшего времени, так как, чтобы представить происходящее, необходимо его вначале описать. В таких случаях дальнейшее развитие сюжета напрямую связано с предпринятыми героем действиями. Разновидностью этой группы можно считать зачины, в которых обозначается не просто действие, а состоявшееся событие как завязка действия: *Ай вой икиле вөс. Ньөрэм хйрийэн лант күтн наврийэлтал күтн вүлзийэн лавемасы* 'Мышонок жил. Когда он прыгал на болоте среди ягеля, его проглотил олень'.

В таких зачинах описывается ситуация, сложившаяся после какого-либо события. Используются глаголы прошедшего времени (жил, прыгал, проглотили и т.д.). Подобные события выносятся в сказочный зачин потому, что дальнейшее действие будет развиваться в связи с уже произошедшим.

В другую подгруппу могут быть объединены зачины, в которых именуется чувство или состояние героя, которое служит

стимулом действия: *Утшам ики йухан хонэна хот омэсты мйнэс* 'Глупый мужик пошел на берег строить дом'.

Такие зачины напоминают описывающие ситуации или уже совершенные действия, которые будут способствовать движению сюжета, но они называют или характеризуют чувство, которое стимулирует дальнейшие сказочные события.

3) Статичная сцена. В них совершаются действия, производимые героем в настоящее время, и наименование героя. Например: *Кавэц имсун-иксун вэллэун* 'Шутники муж с женой живут'. Зачины подобного рода словно бы устанавливают статичную декорацию. В отличие от зачинов предыдущей группы, герой производит действие в момент начала сказки, поэтому мы сочли возможным назвать обозначаемую ими картину статичной. Использование глаголов настоящего времени свидетельствует не только о протяженности действия, но и создает иллюзию его «одновременности» с процессом восприятия.

4) Указание на время сказочных событий, например: *Тэрэм омсантам нурайэн* 'В пору, когда создавалась вселенная (букв.: сажали)'; *Мулты хув йисэн, мув омсантам нурайэн, тэрэм овемэты нурайэн, вон йем верыйэлтыйэн* 'В какую-то древнюю эпоху, в пору, когда землю создавали, в пору, когда земля качнулась, когда большой священный потоп случился'; *Щи йем вэлэм нурайэн* 'В пору, когда этот священный потоп случился'.

Зачины, содержащие указание на время, играют особую роль в организации сказочного текста, так как время в сказке также особое. В зачине подчеркивается давность происшедшего: *Хэнтты йисэн, хэнтты нэпэтан* 'Когда-то в старину, в каком-то веке'. Давность служит своеобразным «оправданием» для сказочных событий: невозможно достоверно знать, нельзя проверить, так ли все было на самом деле.

5) Указание на место, пространство: *Имсун-иксун вэнтэн вэллэун* 'Муж с женой живут в лесу' (глагол настоящего времени).

Место в сказке весьма специфично. Традиционностью обладает зачин *атэлт лэунх йух авэтан, атэлт калт йух авэтан имсун-иксун вэсун* 'В отдаленном месте, где находятся мужские божества, в отдаленном месте, где находятся женские божества, муж с женой жили' в различных его вариантах. Ведущую роль играет здесь определение *атэлт* 'отдаленный, отдельный', которое, будучи неопределенным, позволяет сказочному действию развиваться в особом, «другом», мире. Его иноподобность и подчеркивает *лэунх йух авэтан, калт йух авэтан* 'где находятся мужские божества, где находятся женские божества'. И если рассказчик добавляет подобное словосочетание, то это снова попытка доказать возможность происходящего, если не реальность его.

б) Время и место одновременно: *Хэнтты йис, хэнтты нэпэтан и тэхийэн вэллэпэт йух автэн, хэнэт йух автэн Лэмэц йурн ики* 'Когда-то в старину, в каком-то веке в одном месте жил среди лесной земли, среди топкого болота мужчина, ненец Ломц'; *Имултыйэн, Суркут пела йахсэм. Вухсар Йарац ики шоунэт вэс, щалта хөлъям моьцэм* 'Однажды в сторону Сургута я ездил. Жил там Вухсар Ярац ики, Тарлин (ныне покойный). Очень хороший сказитель был этот мужчина, от него эта сказка услышана'.

Подобные зачины могут просто объединять указание и на место, и на действие одновременно. Приведенный же пример знаменателен прежде всего неопределенностью того и другого при указании на них, поскольку и место, и время выражаются определенными местоименными наречиями. Есть ссылка на якобы имеющийся источник. Такие зачины *щалта хөлъям моьцэм* 'от него услышанная эта сказка' могут быть обозначены как указание на рассказчика. Подобный зачин имеет целью не только «обезопасить» рассказчика от обвинения в неправде, но и зафиксировать его желание исполнять текст в соответствии с традициями и без импровизации.

8) Обращение к слушателю, например: *Йа, наврэмэт, хөлэнтаты... Пстрэн, Лел Мишка ики пух, нынаң ай моңцийэ моң-цэл* ‘Ну, дети, слушайте... Петр, сын Лэл Мишки, вам небольшую сказочку расскажет’. Зачины этой группы имеют явно выраженную коммуникативную направленность. Они содержат обращения, слова, призванные активизировать внимание слушателя. При этом начинаться сказка может как с обращения рассказчика к слушателям, так и с обращения одного героя к другому.

Таким образом, зачины практически всех типов выполняют следующие функции: 1) включение слушателя в сказочное действие; 2) активизация внимания слушателя; 3) ориентация слушателя если не на достоверность, то на возможность совершения сказочного действия в реальности. Это достигается путем использования предложений констатирующего характера, обращений, обстоятельств места и времени и т.п.

Концовки

Концовки также являются традиционными сказочными формулами. Если зачины должны ввести читателя или слушателя в сказочный мир, то концовки призваны подвести итог всему повествованию, закрепить средствами языка тот «урок», который содержится в каждой сказке. По семантике и способам языкового выражения концовки представляется возможным разделить на следующие группы:

1) Обозначение счастливого бытия героев, например: *Лув хон вэт митхэ есэлсэллэ на Моц похатур хон воша омсэс. Ци цуһьэл-хөлэлэн ин на вөл* ‘Он пятерых слуг царя отпустил и стал в городе Моц-богатыря править. С этим счастьем и сейчас живет’; *Көрт леты, вөш леты вөн поры версэт. Ална, ин вөнты хулна ци цуһьэлэт. Ци цуһьэл-рүвэлна мун хуты омэслэв* ‘На всю деревню, на весь город большой пир устроили. Наверное, до сих пор еще пируют. За счет их счастья мы ведь сидим’.

Концовки этой группы рисуют мирное бытие, а к ней могут добавляться сочетания

цуһьэл-хөлэлэн ‘счастье-свет’ – самый распространенный вариант в хантыйских сказках: *Ин цуһьэл-хөлэлэн ин, таңха, вөллэт* ‘С этим счастьем-светом до сих пор, наверно, живут’. Первая группа подобных продолжений утверждает наличие у героев материального достатка, вторая – морального покоя и удовлетворения жизнью. Таким образом, в народной языковой картине мира счастье подразумевает наличие и материальных, и духовных благ.

2) Подведение итога отношений героев, наименование героев и совершаемое ими действие: *«Йа, вөн йай ики, – апэлэл лупий-эл, – нән Йем вош икийа вөл! Күтэп йай, нән йувэң сот вош вөйт күтпэлн, нуви ло-цимэн-пулмэн вөрт – цив омса! Ма, – лупэл апэлэл, – хөс хор хөхлэм лаутэң Ас тый-эла авэт һулыты, мувэт һөлтэн вөрта цив омэслэм* ‘Ну, старший брат, ты будь властителем города Вежакоры. Ты, средний брат, садись в средней части белоснежной, широкой, луговой стороны Оби властителем. А я, – говорит младший брат, – сяду властвовать в верховьях богатой оленями, обильной реки Обь’; *Найэң овэп вөн вош, вөртэң овэп вош цив омсэс. Лапэт науки пйлат авэт, хөт науки пйлат авэт, тови лүк пүн һусый авэт, сүс лүк пүн һусый авэт, пөңкэң вой, күнишэң вой хурал ай вөрт цив омсэс. Оутэң хор, лүвэң хор йирэп лөңх, пореп лөңх* ‘Большой город с богиней, большой город с богом там появился. Там сел он малым богатырем – рогатых быков, костистых быков жертвоприношения богом, с изображением когтистых зверей, зубастых зверей. Осенних глухарей токование на мысу, весенних глухарей токование на мысу, на мысу высотой в шесть лиственниц, на мысу высотой в семь лиственниц, там он остался’.

Подобные концовки констатируют изменения в отношениях героев, они произошли под влиянием сказочных событий. Как правило, это изменения положительные. Описываются они сложными предложениями, в которых обязательно содержатся обстоятельства образа действия. Именно они принимают на себя основ-

ную смысловую нагрузку. В эту же группу входят концовки, описывающие некое финальное событие: *Ши вүй эвэлт мойнар па кўшар лыкашсээн па лөхсэна ант вөллээн. А мойнар күй пантэт кўшар шайниэн хулна вөллэт, кўшар шайниэлэн нуви пайтэт тайэл* 'С тех пор медведь и бурундук друг на друга сердиты и больше не дружат. А полоски от медвежьих когтей так на спине бурундука и остались, теперь спина бурундука с пятью белыми полосками'.

Подобные концовки также предполагают итог, но итог, если можно так выразиться, «внешний». Они подчеркивают финальное действие, и основную роль играют здесь глаголы, которые выстраиваются в ряды однородных сказуемых. Могут они реализовываться и при помощи сложных предложений со значением одновременности или временной последовательности между предикативными частями.

3) Наказание злого героя. С точки зрения структуры концовки этого типа напоминают концовки предыдущей группы, но мы сочли возможным выделить их в особый класс в связи с важностью описываемого ими события для сказки, в которой зло в итоге должно быть наказано: *Ййха йирсайнэн, потэм варэс котовитэс. Упэл лелтэсы лов шайниша, кўрнэл кятна есэлсэллэ. И ловуэн шайта варасэн вушанталыйэн. Итэл вөнта төсы и пелкэл, и пелкэл па йишка төсы, кятна менэмса. Ин утлэл па ин па, алпа, вөсэт ши ширэлн* 'Двух лошадей поймали, наготовили хвороста, посадили сестру на лошадь, привязали за ноги. Одну ногу к одной лошади, другую ногу к другой лошади привязали. Подожгли хворост возле одной лошади. Отпустили лошадей. Лошади в разные стороны разбежались, одна в лес убежала, а другая – к воде. Разорвало сестру пополам. А они до сих пор, наверно, живут по-своему'; *Ши йүйийэн ши мурт тащэна ин именэн-икенэн йисэн, ловэн тащ, мисэн тащ, йау ампар тащ, хөс ампар тащ. Ши шуйьэн-хөлэнэн ин па ши вөллээн. Лэщтанлэнкэл лелы щиты пйрэс* 'После этого муж с женой такими богатыми

стали, стадо лошадей, стадо коров, десять амбаров, двадцать амбаров богатств. С тем счастьем и сейчас живут. Лэщтан с голоду умер'.

Наказание злого героя является закономерным сказочным финалом, в котором отразились народные представления о справедливом возмездии. Это может быть изгнание, казнь, превращение в насекомых, смерть от голода. Это описание также дается при помощи предикативных единиц, в которых ключевую роль играют глаголы. Формула, которой названные концовки могут быть обозначены, имеет такой вид: 1) наименование героя, 2) действие, которое он совершает, 3) действие, совершаемое над злым героем. В хантыйских сказках мы не обнаружили ни одного примера, в котором бы говорилось об исправлении или прощении злого героя. Как правило, отрицательный герой погибает. В мировоззрении народа, так или иначе, зло наказуемо.

Концовки этой группы, по сути, примыкают к описывающим наказание злого героя и награждение доброго.

4) Награда доброму герою. Как и концовки предыдущей группы, данные выделяются, скорее, по семантическому признаку: если зло наказывается, то добро должно быть вознаграждено, это один из существенных сюжетных моментов сказки. Такие концовки выражаются теми же формулами, что и концовки третьей группы. Например: *Кавэц ики питэс йкэтты ши йөх вэлэм вой-сүхэт: лаңкэт, нүхсэт. Иши ампи өхлэлэн питэс талъэты пурмэсла вөлты йилэн тайхийа. Ин вөнты ши, мйтты, талъэл хөлэм йау хө эвэлт хйцэм тащ* 'Мужик Кавэц стал собирать добытые братьями звериные шкуры: белки, соболя. На этой же собачьей упряжке стал он возить вещи на новое место жительства. До сих пор, будто, возит богатство, оставшееся от тридцати братьев'.

Награда, которую получает добрый герой, также закономерно завершает сказочную композицию. Как правило, этот финал описывается посредством ряда однородных

сказуемых и сопряжен со свадьбой или материальным поощрением героя. Одним из вариантов концовок подобного типа является пир: *Көрт тәл вөн поры версәт, вош тәл вөн поры версәт. Тыләц ләсәт, и лапәт хәтәл ләсәт. Ин шўньәл-хөләлән ин, таңха, вөнта вөлләт* ‘Устроили они большой пир на всю деревню, на весь город. Месяц ели, неделю ели. С тем счастьем-светом до сих пор, наверно, живут’; *Ин икилән, ин лыт ов вўшар пелкәл, кўш нух аләмты вутьцийәләлә, әнт верәмләлә, лавәрт. Вўрайән щиви, мулты вўрән вөтьца йа пүтлысәлә хулты, әл талты-сөра йўкана, щи йўхи әлсәлә. Щитәл эвәлт имәл йонтәс икәла моләпщи, күвәщ, лўвәла сәх нўш. Щи йўпийән, ин ики вөнта мәнәл – вөнт вой уй, йиңка мәнәл – йиңк хўл уй вөйтәс. Щиты ин именуән-икенән тащәна-вўшәна айәлта йиты щи питсәнән. Ин па щи, алпа, щи уйән пила кал кимәл йохмән хуца омәсләнән-вөлләнән* ‘Мужчина хочет поднять кусок полоски для шитья, да не может, тяжелый. Кое-как он свернул его, где волоком по снегу тащил до дому, кое-как дотащил. Из этого куска жена сшила мужу малицу, себе подклад к шубе. После этого хантыйский мужчина в лес идет, у него появилась удача на лесного зверя, на водную сторону идет, удача на рыбу появилась. И так, муж с женой стали постепенно жить в достатке. И сейчас, наверно, с этим счастьем они на краю мыса соснового бора посиживают-поживают’.

Важно отметить, что все концовки направлены на то, чтобы подчеркнуть недостоверность рассказанного.

В этой же группе концовок, как нам представляется, логично рассмотреть и свадьбу, которая также сопряжена с пиром: *Мосәлтыйәлсәт-эвәмтыйәлсәт. Ин сорнең йиңкләл ух әлты төтләсәл, кимпәл хөт ләл хот тывәс лыпәл вәт ләл хот тывәс, и сорнәл нух мәнәл и сорнәл ил йиш. Сорнән пүталы ух әлты төләләт сур йиңкпи пәсан тывәл, мав йиңкпи пәсан тывәл. Лывәт Төрәма тайәм аңкәл төсәт, и нелы питты вөнта, и хөлы питты вөнта ин па щи вөлләт. Лыв мош йох*

вөлләл пәта, лыв ар йох вөлләл пәта ин арәл йис оләңән, ин моңщәл йис оләңән ищиты щи вөлләт ‘Поцеловались-помиловались. Появился стол с яствами. И живут они до сих пор’.

В сказках не всегда фиксируется вступление в брак, что не позволяет судить о времени появления сказки точно, сама свадьба как отдельный элемент пропущена, говорится лишь, что они стали жить вместе: *Вөлмитсәнән-вөләмсәнән-хөләмсәнән* ‘Стали жить, живут, ночуют’; *вөлләт-хөлләт* ‘живут-ночуют’; *Көрт ләты, вош ләты вөн поры версәт. Алпа, ин вөнты хулна щи шўньләт. Щи шўньәл-рувәлна мўн, хўты, омәсләв* ‘На всю деревню, на весь город большой пир устроили. Наверно, до сих пор счастливы. За счет их счастья мы, ведь, сидим’.

5) Мораль, поучение. Концовки данной группы также выделены нами с семантической точки зрения, структура их может быть различна. По объему, как правило, они равны предложению, поскольку мудрость должна быть выражена кратко, чтобы ее запомнили. Таким образом, выражать их формулой также не имеет смысла. Например: *«Нәу нўша не, нўша хө ал лупа, нәу нўша хәтәл, мосән, па вантлән». Йис йасән лўв лупәл, ута, щир ар тәйәл. Нөмән лольщи хө лув лапәт вўрәты вўрән йух, шенк ньохәм эви, шенк ньохәм пухән, – лупәл, – ал ньохмә. А, – лупәл, – туха хөл мантылайән. Йам ханнехө нәу йәм щирәна вөл. Атәм ханнехө, атәм щирәлн ат вөл. Там йис ал пүтәр йукан моңщ шөп* ‘«Не смейся над бедными людьми, кто знает, возможно, и ты будешь жить в бедности». Старинные предания так говорят: вверху стоящий человек говорит: никогда не смейся над бедными или нуждающимися людьми, к тебе пристанет. Хороший человек живет также, как и ты. Плохой человек пусть живет так, как он хочет. Это простой рассказ, вместо сказки’; *Ин йенк сәхәп именуән шенк щәкрәна па йох пила вөсүнән, щирн немхойата әнт ньотсәнән. Лын щиты па лелы хутащ йисүнән. Питы вўлы тәйәм именуән-икенән тащәна йисүнән. Хилыләңки пила ин па щи*

вөллэт, тащэл хөйэл на вушэл хөйэлэн
‘Женщины, одетые в белую меховую
одежду, были очень богатыми и нико-
му не помогали. Так где-то они без еды
и умерли. А старик со старухой, имев-
шие черных оленей, разбогатели. До сих
пор живут они с мальчиком в богатстве
и достатке’; «*Няң тащэн ики щирадэн
вөл. Няң олэм вантсэн. Төп нэмхуй-
ат на хотэн эвэлт ал вошэта, хулыйэ-
ва моңц хөн тайлэт. Төх хуйат ицки
эвэлт ньелмэл аң путэртэл, няң йира
вошэтлэн*» – *лупэс, – щиты на семсайа*

питэс ‘«Твое богатство каким было, та-
кое и есть. Ты сон видел. Только никого
больше из своего дома не выгоняй. Не у
всех ведь есть сказки. У некоторых лю-
дей от мороза язык не поворачивается,
а ты выгоняешь их», – сказал он это и
исчез’.

Анализируя язык хантыйской народ-
ной сказки, мы предприняли попытку
создания семантико-структурной
классификации языковых средств, ряд
групп можно считать сказочными фор-
мулами.

Литература

1. Алещенко Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки). Диссерт. на соиск. уч. ст. доктора филологич. наук. Волгоград, 2008. 232 с.
2. Соловар В.Н. Моньцат па путрат. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1996. 68 с.
3. Касум мув моньцат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской / С.С. Успенская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 292 с.
4. Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общей редакцией Е.С. Новик. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с. (Сказки и мифы народов Востока).
5. Успенская С.С. Вступительные формулы хантыйских сказок // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – №3. – С. 116-188.

References

1. Aleshhenko E.I. Jetnojazykovaja kartina mira v tekstah russkogo fol'klora (na materiale narodnoj skazki). Dissert. na soisk. uch. st. doktora filologich. nauk. Volgograd, 2008. s. 232.
2. Solovar V.N. Mon'shhat pa putrat. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. ped. in-ta, 1996. 68s.
3. Kasum muv mon'shhat-putrat. Skazki-rasskazy Zemli Kazymskoj / S.S. Uspenskaja. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002. - 292 s.
4. Mify, predanija, skazki hantov i mansi. Per. s hantyjskogo, mansijskogo, nemeckogo jazykov. Sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoj, pod obshhej redakciej E.S. Novik. – M.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1990. – 568 s. (Skazki i mify narodov Vostoka).
5. Uspenskaja S.S. Vstupitel'nye formuly hantyjskih skazok // Gumanitarnye nauki v Sibiri. № 3. 2004g. s. 116-188.